

ЛОГИКА ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ДОБРОДЕТЕЛИ:

РОБЕСПЬЕР и ИДЕЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСИЛИЯ

Памяти профессора А.В.Адо. Современные исследования
о французской революции конца XVIII века.
М., 2003.

Веб-публикация: Дмитрий Бовыкин, Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Феномен революционного насилия как один из наиболее предметных и явных в истории революции, никогда не выпадал из поля зрения ее исследователей, а связанный с этим феноменом комплекс проблем постоянно присутствовал в центре внимания историков революции.¹ В настоящей статье мы ограничимся исследованием лишь одного аспекта проблемы насилия в революции, а именно - вопросом об отношении к идее революционного насилия Максимилиана Робеспьера.

Фигура Робеспьера была выбрана в качестве объекта исследования отчасти именно потому, что подобный выбор дает хорошую возможность поиска ответа на эти и другие вопросы. На каком примере можно проанализировать аспекты эволюции отношения политических субъектов революционного процесса к идее революционного насилия лучше, чем на примере эволюции взглядов якобинского лидера, в период нахождения которого у власти была создана система государственного террора, явившаяся логическим завершением линии на революционное насилие сверху? Личность Робеспьера, таким образом, подвергается анализу как некий исторический тип.

С другой стороны, Робеспьер может интересовать нас не только как некое подобие увеличительного стекла, с помощью которого многие нюансы системы мышления, приводящей деятелей революции к идее применения революционного насилия, можно видеть как на ладони. Сама по себе его личность, ввиду ее масштабности, и поныне является объектом споров; при этом, как это нередко бывает, стремление к оценочной, основанной на этических категориях характеристике препятствует созданию исторически и психологически верного (хотя бы до известной степени) портрета исторического лица.

Формат статьи вынуждает воздержаться от углубленного анализа таких принципиально важных для нашего сюжета аспектов темы как факторы формирования системы воззрений Робеспьера на ранних этапах его жизни – роли полученного нашим героем юридического образования, профессиональной практики молодого Робеспьера и его политического опыта первых лет революции. Поэтому, не умаляя значения этих аспектов и не уходя вовсе от их рассмотрения, мы сосредоточимся на анализе эволюции отношения Робеспьера к идее революционного насилия в последний год его жизни: с июня 1793 г. по июль 1794 г. Этот период представляет для нас особый интерес в связи, по меньшей мере, с двумя обстоятельствами.

С одной стороны, после событий 31 мая – 2 июня влияние Горы в Конвенте становится преобладающим; соответственно меняется соотношение сил в органах исполнительной власти и в комитетах Конвента. Робеспьер, как лидер монтаньяров, получает возможность (а с момента избрания 27 июля в Комитет общественного спасения – и формальное основание) непосредственно участвовать в формировании правительственной политики и в полной мере стать субъектом революционного насилия в одной из его форм.

Другое обстоятельство, выделяющее этот последний отрезок жизни Робеспьера среди прочих ее этапов – установление осенью 1793 г. законодательно оформленного террористического режима революционного правительства, то есть режима, являющегося, как мы увидим, одной из форм исследуемого нами феномена.

Власть и массы: Робеспьер и левые

Когда восстание 31 мая – 2 июня «очищает» Конвент от Жиронды, Робеспьер ожидает самых благотворных перемен – состояние, знакомое ему по предшествующим этапам его жизни. Так, осенью 1791 г., он писал Бюиссару: «Я возлагаю большие надежды на новую Национальную Ассамблею»². После свержения монархии он обращается 30 сентября 1792 г. к читателям своих «Писем к доверителям»: «Начинается царство равенства... Мне кажется, что у нас есть счастливая возможность в несколько месяцев укрепить свободу нашей страны учреждением справедливого способа управления»³. «Очистите нравы, если вы не хотите сохранить навеки революционный кризис»⁴, – призывает он Конвент 25 июня 1793 г. после падения жирондистов. Начало каждого нового этапа революции Робеспьер встречает с оптимизмом и, можно сказать, с определенной умиротворенностью: свобода, как кажется, упрочена, дело народа – в надежных руках и впереди – созидательная работа во имя общественного блага.

Параллельно руководимые Робеспьером якобинцы, не говоря уже о депутатах Конвента, вступают (мы даем здесь лишь беглый набросок ситуации) в острый конфликт с движением «бешеных», персонифицированным главным образом в фигурах [Ж. Ру](#), [Варле](#) и [Леклерка](#), требовавших углубления социальных преобразований. Можно констатировать, что летом 1793 появляются два новых – по крайней мере, по сравнению с весной 1793 г – нюансы: во-первых, Робеспьер активно участвует в формировании и защите политики правительства и, во-вторых, он дистанцируется в своих действиях от конкретных проявлений революционной активности масс, что лучше всего видно на примере его взаимоотношений с «бешеными», подвергшимися жестокой критике Робеспьера и преследованиям со стороны властей.

Мы обращаем внимание на эти нюансы поведения Робеспьера главным образом потому, что процесс оформления революционного насилия осенью 1793 г. шел в значительной мере под воздействием народных масс. «Под давлением народа, – отмечает Ж.Гийому, – Конвент 5 сентября принял решение о постановке Террора в порядок дня».⁵ Той же точки зрения придерживается Ф.Фюре⁶ и А.З.Манфред, характеризовавший революционный порядок управления как «власть, созданную творчеством народных масс»⁷. Нам предстоит, таким образом, осветить вопрос о сходстве и различии в подходах Робеспьера с одной стороны и масс (вернее, политически активной части беднейшего городского и сельского населения и групп, выступающих от имени последнего и в наибольшей степени связанных с ним социальными узами) – с другой, к ситуации лета–осени 1793 г, имея в виду новое положение якобинского лидера в системе власти.

25 июня Ру оглашает свою знаменитую [петицию](#) Конвенту, в которой критикует только что принятую Конституцию за недостаточную радикальность ее социально-экономических постулатов. Санкюлотское понимание демократии как режима, гарантирующего право на существование и обеспечивающего это право путем ограничения индивидуальной экономической свободы отдельных лиц, естественно расходится с провозглашаемым только что принятой Конституцией принципом неприкосновенности собственности. Известна реакция Робеспьера на петицию Ру: [28 июня](#) у Якобинцев он обвиняет его в сговоре с антифранцузской коалицией, и дальнейшие его отношения с «красным священником» (как называли Ру) носят остроконфликтный характер.

Однако настолько ли принципиальны различия между позициями Ру и Робеспьера? Несколько ранее, 24 апреля 1793 г. Робеспьер предлагает проект Декларации прав к еще не существующей Конституции, где определяет собственность как «право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той долей имущества, которая гарантирована ему законом» (выделено мной – А.Т.)⁸ Собственность в данном случае – не безусловное право (хотя оно и относится Робеспьером к категории естественных и неотъемлемых прав), но ограниченная интересами общей воли свобода владения и распоряжения определенной законом квоты имущества – что вполне соответствует руссоистскому тезису об ограничении состояний и, следовательно, неравенства в обществе.

Различие в идейной плоскости, как мы видим, минимально, но оно велико в ином: летом 1793 г на плечи Робеспьера ложится бремя власти и, следовательно, ответственности за стабильность всего общества. Помимо идейных расхождений, которые отходят на второй план в случае борьбы с общим врагом, после 31 мая – 2 июня Робеспьера от «бешеных» отделяет именно отношение к власти. Для «бешеных» возникшая после майско–июньских событий ситуация ничем не отличается от ситуации предшествующего этапа революции – вспомним сделанное Варле накануне событий 31 мая – 2 июня предложение не ограничиваться изгнанием лидеров Жиронды из Конвента, а полностью распустить Конвент и облечь всей полнотой революционной власти Коммуну. Для пришедшей же к власти Горы ситуация принципиально иная: она естественно считает новый этап революции оптимальным, поскольку (мы не говорим сейчас о частных, внеидеологических мотивах симпатии к власти, которые, конечно, существовали во все времена) закономерно предполагает, что ее, Горы, интересы и приоритеты в наибольшей степени соответствуют интересам всего общественного организма. Как сказал Робеспьер 14 июня у Якобинцев, «все, что народ мог требовать, – это чтобы Конвент действовал в духе революции; он так и поступает теперь».⁹

И тут мы, наконец, подходим к проблеме, непосредственно связанной с интересующим нас сюжетом. «Революция стала ареной разработанной Руссо дилеммы демократического представительства (*representation democratique*)»¹⁰, – отметил [Ф.Фюре](#), имея в виду поднятый автором «Общественного договора» вопрос о представлении воли народа–суверена. Суверенитет, по Руссо, неотчуждаем, – и вместе с тем прямая демократия возможна лишь в небольших по размеру государствах. Следовательно, один из коренных вопросов, вытекающих из концепции народного суверенитета, – кто и в какой мере может наиболее адекватно представлять в системе власти волю суверена.

Первое, что мы можем констатировать, это то, что с начала своей политической карьеры Робеспьер прочно связывает в своем сознании интересы народа, общего блага со своими политическими интересами, и посвящает себя служению этим отождествляемым им интересам. Он пишет в декабре 1790 г. властям Авиньона, только собирающегося присоединиться к Французскому королевству: «Защищая дело авиньонцев, я защищаю справедливость, свободу, мою родину, самого себя, наконец. Я лишь выполняю волю всех истинных Французов...»¹¹. В конце июля 1791 г. он адресует в Аррас следующие слова: «Совершенно естественно, что все враги общего блага есть и мои враги»¹². Робеспьер рассматривает себя как глашатая воли народа и последовательно и неуклонно, через насмешливое недоумение правых в Учредительном Собрании, через ожесточенную борьбу с Жирондой 1792–93 гг. несет свою добровольную ношу в лето 1793 г.

Подобное представление о своей миссии неразрывно связано с авторитарностью мышления, категоричностью суждений и претензиями на право обладания истиной в последней инстанции (поскольку народ справедлив и добр, а Робеспьер – выразитель его воли). Это вполне в духе руссоистской политической концепции, в русле которой сформировались воззрения будущего главы революционного правительства. «Народ», то есть совокупность вступающих в отношения общественного договора граждан, понимается Руссо как высшая юридическая и политическая инстанция; народ–суверен есть источник всякого права и всякой системы.

Проблема, однако, этим не исчерпывается: суверен являет собой высшую инстанцию, но это не означает, что его действия непогрешимы: «Народ хочет блага, но не ведает, в чем оно»¹³, – замечает Руссо в первом наброске к «Общественному договору». Следствием признания недостаточной способности суверена проявить свою собственную волю является необходимость еще одного элемента системы – «Законодателя». Функция этого элемента – выявление, интерпретация и оформление в систему норм воли суверена. Руссо поясняет: «Общая воля всегда направлена верно и прямо, ... но ее надо уметь вопрошать вовремя. Ей следует представить вещи такими, какие они есть, *иногда – такими, какими они должны ей представляться* (выделено мной – А.Т.); надо показать ей тот верный путь, которым она хочет следовать; ...уравновесить обманчивый блеск близких и ощутимых выгод опасностью отдаленных и скрытых бед».¹⁴

Таким образом, система Руссо косвенно предполагает наличие некоей более авторитетной, нежели народ, инстанции. Корректности ради следует заметить, что особое место института Законодателей у Руссо определяется и спецификой их функций: «тот, кто властвует над законами, не должен повелевать людям»¹⁵; Законодатель не является властью как таковой. Нельзя, однако, не отметить, что мысли автора при написании текста могут быть отличны от мыслей читателя того же текста. Легко предположить, что усвоение Робеспьером руссоистского политического тезауруса неизбежно сопровождалось адаптацией последнего к своему носителю.

Мы видим, таким образом, что дополнительным идейным мотивом логики поведения Робеспьера является руссоистская концепция Законодателя, в задачу которого входит помощь пассивному и склонному к разлужению народу–суверену в определении его истинной воли. Эта тенденция в полной мере проявит себя именно в последний год жизни Робеспьера. Были ли объективные предпосылки для формирования у Робеспьера подобного восприятия своей миссии, и не является ли это с его стороны лишь маскировкой личных амбиций?

Отвечая на первый вопрос, мы отчасти отвечаем и на второй. У Робеспьера были основания считать, что его понимание своей миссии верно. Он получает подтверждения этому в виде приветственных адресов от провинциальных обществ, в виде благодарственных писем. Еще в период Учредительного собрания молва закрепляет за ним имя Неподкупного, что составляет предмет его особой гордости. По окончании сессии Учредительного собрания он может наглядно увидеть отношение к нему парижской толпы, которая несет его, вместе с Петионом, на руках. Приезд в Артуа осенью 1791 г. также может способствовать утверждению Робеспьера в правильности избранной им линии поведения: журналы того времени свидетельствуют о триумфальном приеме бывшего земляка в Аррасе, Бетюне, Лилле¹⁶. «Вы, кого я, как Бога, знаю лишь по чудесам, – обращается в письме к Робеспьеру молодой, еще не знакомый с ним Сен-Жюст летом 1790 г., – вы великий человек... вы не только депутат от провинции, вы – депутат от человечества и Республики».¹⁷

Конечно, подобные признания являются хорошей почвой для самоутверждения, но они не достаточны в качестве ответа на второй вопрос – об искренности Робеспьера в его роли глашатая общей воли, поскольку все приведенные выше знаки признания основываются на наблюдениях внешней стороны деятельности Робеспьера – его речей, статей и т.п. Учитывая это, обратимся к оценке Робеспьера человеком, достаточно хорошо его знавшим, и, кроме того, не только не являвшимся апологетом якобинского лидера, но, скорее, бывшим его идейным (в определенной мере) и политическим противником – к свидетельству [Б.Барера](#). Разделявший общий для термидорианцев тезис о диктатуре Робеспьера и о его властолюбии, Барер пишет: «Он стремился к ней [к диктатуре – А.Т.], поскольку его гордыня (*orgueil*) говорила ему, что он способен более, чем кто-либо иной, выполнить эту задачу [утвердить республику – А.Т.]».¹⁸ Речь идет, следовательно, не о заурядном властолюбии, но о стремлении к власти ради определенной высокой цели, то есть, в конечном итоге, об осознании собственной миссии как миссии представителя интересов общей воли. На это обстоятельство обратил внимание Фюре, констатировавший, что «новые времена [начало революции – А.Т.] пробудили в нем [Робеспьере – А.Т.] паразитическую способность самоидентификации с общим благом».¹⁹

Все вышесказанное не означает, разумеется, что Робеспьер в своей деятельности не руководствовался соображениями конкретно-политического, конъюнктурного и личного плана. Политик принципиальный отличается от беспринципного лишь одним: принципиальный основывает свои действия, в том числе и конъюнктурного характера, на базе имеющегося у него представления о собственной правоте, и неизбежно, хотя, возможно, и незаметно для себя, подгоняет исходные принципы под конкретную реальность; беспринципный же – свободен от необходимости сверять свои действия с абстрактным эталоном и руководствуется соображениями сугубо политического или личного порядка.

Таким образом, можно заключить, что к революции 31 мая – 2 июня 1793 г. Робеспьер приходит убежденным в адекватном отражении им воли народа. Уже на этом этапе мы можем заметить некоторое оттеснение линии общей воли линией конкретно-политической – когда волнения в Париже в феврале–марте 1793 г. тракуются Робеспьером (правда, с оговорками) как инспирированный жирондистами инцидент с участием «лакеев аристократии», у которых нет ничего общего с парижским народом²⁰. Проявление воли народа истолковывается в данном случае как проявление частной воли, к общей воле никакого отношения не имеющей. Объективно, таким образом, Робеспьер переходит к трактовке своего понимания общей воли как адекватного самой общей воле. Он решает, что есть частная воля и, следовательно, определяет, что есть воля общая.

Фактически подмена общей воли частной (Робеспьера) уже произошла. Неудивительно поэтому, что в момент, когда народ, выступающий в качестве самостоятельной политической силы, со своими интересами, по меньшей мере не совпадающими (после падения Жиронды и прихода Горы к власти) с интересами Робеспьера и, следовательно, с его представлением об интересах народа, – неудивительно, что в этот момент Робеспьер квалифицирует движение «бешеных» как проявление частной воли и обрушивается на него с уничтожающей критикой. Тем самым Робеспьер теряет возможность опереться в своих умозаключениях по поводу общей воли на реальные действия масс и отныне его понимание общей воли зависит лишь от его частной воли – другой вопрос, что эта частная воля, поскольку мы относим Робеспьера к категории «принципиальных» политиков, для самого Робеспьера может быть замаскирована под общую.

Характерно, что тогда же, сразу после майско–июньских событий Робеспьер избавляется от еще одной идеологической связи, которая может сковывать мобильность его воли.

Помимо федералистского мятежа, вспыхнувшего с особой силой, как только до департаментов дошла весть об узурпации парижскими властями прав нации, непосредственным итогом революции 31 мая – 2 июня 1793 г. стало нарушение принципа неприкосновенности Национального представительства. Под давлением вооруженного народа Конвент декретировал временное прекращение полномочий и арест тридцати трех жирондистских депутатов. Подчинившись насилию, Конвент потерял сакральность своего статуса и фактически перестал быть национальным представительством в полном смысле слова. Это, бесспорно, понимали те, кто в той или иной степени, на той или иной стороне участвовал в событиях. Видимо, это осознавал и Робеспьер, заявивший 13 мая 1793 г. в якобинском клубе: «Спасение родины не может быть результатом мгновенно преходящего возбуждения... Я протестую против всех таких средств, которые только скомпрометируют Общество, и не способствуют общественному благу».²¹ Средство, могущее скомпрометировать Общество друзей свободы и равенства – это, без сомнения, покушение на целостность национального представительства.

Потом, однако, Робеспьер меняет точку зрения и уже после событий санкционирует происшедшее изменение, заявляя 8 июня у Якобинцев, что «то, что было совершено в последнюю революцию, не произвело пагубного действия...».²² В этом же русле идет новая трактовка права народа на насилие в Декларации прав к новой Конституции. Однако, санкционируя насилие в отношении национального представительства, Робеспьер тем самым разрушает – в своих собственных глазах – образ Конвента как представителя общей воли. Это объективно открывает путь к дальнейшему насилию над Конвентом – в том числе и со стороны самого Робеспьера.

Лишившись идеологической опоры на реальные действия масс, с одной стороны, и на Конвент как на форму выражения общей воли – с другой, Робеспьер разрывает всякую связь с реальными, могущими скорректировать его понимание общей воли, обстоятельствами. Единственным критерием адекватности его воли воле суверена остается он сам. Отождествление воли народа, как ее представляет Робеспьер, с его частной волей в данной ситуации естественно и неизбежно. Происходит то, что Фюре назвал «каскадом абстракций»: «власть народа основывается на пирамиде идентификаций народа – в Конвенте, в Комитете общественного спасения, и, вскорее, в Робеспьере».²³

Установление террористического режима: две тенденции

Данный экскурс в проблему «Робеспьер и общая воля» был совершен, главным образом, с целью доказать, что в своей политической деятельности, вплоть до самой гибели, Робеспьер фактически руководствуется собственными политическими интересами, понимаемыми им как интересы общего блага. Естественно, это положение касается и подхода лидера Горы к проблеме революционного насилия.

31 мая 1793 г. Ру, за ним 4 июня – Леклерк – требуют декретирования ареста всех подозрительных, взятия заложниками родственников эмигрантов и снятия дворян со всех должностей. 12 мая в Якобинском клубе такой же меры в отношении подозрительных требует и Робеспьер²⁴. После 2 июня его позиция приобретает некоторую двусмысленность. С одной стороны, он продолжает следовать линии на насильственное очищение общественного организма от следов порочного прошлого²⁵. Эту же линию в его политике дополняет и хроника деятельности **Комитета общественного спасения**: 27 июля 1793 г. Робеспьер входит в состав этого Комитета взамен заболевшего Гаспарена, а уже 28-го Комитет принимает декрет об аресте всех смещенных со своих должностей генералов и офицеров, находящихся в Париже без официального разрешения. 29 июля декретируется арест обвиненного в волоките председателя Революционного трибунала Монтане, вызов в Париж мятежных высших офицеров из Тулона и арест типографа Дюплена. Примечательно, что декрет от 29 июля подписан всего тремя членами Комитета общественного спасения – Робеспьером, Кутоном и **Сен-Жюстом**.

С другой стороны, июнь 1793 г. ознаменован усилением борьбы Робеспьера с левой оппозицией, главным образом, с «бешеными». 25 июня Ру требует установления смертной казни за спекуляцию, получает отпор и изгоняется из стен Конвента. 28 июня Робеспьер произносит у Якобинцев речь против Ру и заявляет, что «единственными врагами народа являются те, кто выступает против Горы Конвента»²⁶. Разумеется, только Робеспьер точно знает, кто является другом народа, и кто – его врагом. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что враги народа – не те, кто выступает против Конвента, но те, кто является противниками лишь части Конвента – Горы. Об авторитете Конвента как национального представительства речь уже не идет.

Линия на то, чтобы «идти в согласии к миру и свободе общества», провозглашенная Робеспьером 8 июня, видимо соблюдается в течение двух с лишним месяцев. Арестованные жирондисты отправляются под домашний арест, откуда быстро сбегают. Декреты первых двух недель июня, а также декрет 17 июля 1793 г. об окончательном упразднении феодальных прав призваны удовлетворить крестьянство. 24 июня принимается новая Конституция, навлекшая на себя критику со стороны «бешеных» за недостаточную радикальность социально-экономических разделов. 13 июля Робеспьер оглашает в Конvente известный проект организации национального образования [М.Лепелетье](#). Тогда же, как мы уже отмечали, Робеспьер предпринимает меры по защите правительства от необоснованных, по его мнению, нападков левой оппозиции. «Не всегда необходимо уничтожать учреждение, ... иногда более благоразумно преобразовать его»²⁷, – отмечает он 8 июля, выступая у якобинцев, а 1 августа заявляет о своем неприятии идеи [Дантона](#) о преобразовании Комитета общественного спасения во временное правительство.²⁸ Робеспьер не находит существующий порядок вещей идеальным, но предпочитает путь его постепенного, внутрисистемного реформирования – что отчасти связано с его положением в существующей системе власти.

11 августа Робеспьер выступает в Якобинском клубе с речью о положении в республике, чрезвычайно важной для понимания происходящей в его сознании эволюции. Как и в предыдущих выступлениях, он обрушивается на левых – пожалуй, еще более резко, нежели обыкновенно: «Надо запереть эту толпу людей, бегающих по улицам города. Они изображают себя голодными, нищими, аристократами; эти люди подкуплены для того, чтобы совратить народ и сделать его жертвой обмана из-за его доверчивости и его сочувствия».²⁹ Тенденция представления своих интересов под видом общего интереса выражена здесь, как видим, предельно отчетливо, однако речь 11 августа знаменита прежде всего следующим высказыванием: «Я заявляю, что ничто не сможет спасти республику, если будет принято внесенное сегодня предложение о том, чтобы Конвент был распущен и чтобы вместо него было создано Законодательное собрание».³⁰ Робеспьер выступает, таким образом, против введения в действие только что одобренной представителями народа Конституции. Тон его выступлений значительно меняется: исчезают мотивы примирения, объединения всего общества вокруг Горы и Конвента, появляются элементы более энергичного и решительного подхода к решению стоящих перед страной вопросов.

«Безнаказанность – вот что на протяжении столь долгого времени было причиной наших несчастий»³¹, – заявляет он 11 августа в Якобинском клубе, и повторяет на следующий день в Конvente: «Мы легкомысленно полагали, что достаточно гения народа, чтобы разорвать путы интриги. Мы были слишком снисходительны к предателям».³² Наконец, 25 августа он призывает: «Необходимо объявить вечную борьбу агентам Питта и герцога Кобургского, разлагающим наши города и департаменты. С вершины Горы я бы дал народу сигнал и сказал бы ему: «Вот твои враги – бей!»³³

Чем объясняется подобный поворот в политической линии? Обратимся к ситуации, в которой оказалась Республика к концу лета 1793 г.

В июне разрастается федералистский мятеж, уже к концу мая охвативший 60 департаментов из 83.* Продолжается восстание в Вандее. Обостряется ситуация на фронтах: в конце июля англо-испанская эскадра адмирала Гуда блокирует Тулон. 13 июля убит Марат. Таким образом, мы вновь возвращаемся к проблеме внешних обстоятельств, которая была сформулирована Робеспьером в свойственной ему манере в речи 11 августа, от которой идет отсчет новой тенденции его политики: «Положение ухудшается с каждым днем и вскоре станет непоправимым.»³⁴

Был ли Робеспьер одинок в подобной оценке ситуации?

В июле-августе среди членов парижских секций и активистов народных обществ большое распространение получает идея всенародного ополчения (*levee en masse*) в сочетании с арестом всех подозрительных; якобинцы выступают за чистку государственного и революционного аппарата. Следует при этом отметить, однако, непричастность к этим действиям Робеспьера: якобинцы очевидно действуют самостоятельно, что отчетливо проявляется 5 сентября, во второй день знаменитого «плебейского натиска», когда левый якобец [Бийо-Варенн](#) вступает в открытый конфликт с Робеспьером, предлагая – при одобрении присутствующей толпы – декретировать в очередной раз арест всех подозрительных.

Робеспьер пытается всячески оттянуть решение вопроса. Бийо-Варенн настаивает; тогда Робеспьер уступает кресло председателя Конвента Тюрио и заявляет, что сейчас же идет в Комитет общественного спасения, дабы обсудить это предложение, поскольку без санкции Комитета подобную проблему решать нельзя. Бийо-Варенн, поддерживаемый народом, остается непреклонен, и Конвент под сильнейшим нажимом декретирует немедленный арест всех подозрительных. Внезапно появляется депутация Якобинского клуба и комиссаров секций, которые выдвигают требование суда над жирондистами, создания революционной армии со своим трибуналом, смещения дворян со всех постов и их интернирования до заключения мира. На следующий день два левых якобинца, Бийо-Варенн и [Колло д'Эрбуа](#), входят в состав Комитета общественного спасения.

Мы намеренно забежали несколько вперед, чтобы можно было составить представление о силе и энергичности этого натиска левых сил на власть в августе – начале сентября 1793 г. Робеспьер, как можно заметить, не проявляет особого энтузиазма в деле реализации выдвигаемых массами требований. Напротив, он выступает в данной ситуации, хотя и безуспешно, скорее как консервативное начало.

Чтобы понять мотивы действия Робеспьера в эти дни, обратимся вновь к проблеме его взаимоотношений с активистами массового народного движения. В рамках этой проблемы можно выделить два основных блока вопросов.

Во-первых, как Робеспьер, с одной стороны, и инициативное ядро массового движения, – с другой определяют (каждая сторона – для себя) цель проводимых ими политических курсов? К чему стремится Робеспьер, заявляя 11 и 23 августа о нецелесообразности введения конституции в действие, и как понимают цель предлагаемых им мер санкюлоты?

Основная линия противоречий в вопросе о цели была достаточно четко прочерчена [А.Собулем](#): «Проблема взаимоотношений между народным движением и революционным правительством в период его реформирования возникла с первых дней августа... Соответствовала ли прямая демократия интересам эффективной национальной обороны и защиты революции?»³⁵

Народная идея «прямой демократии» в контексте событий августа-сентября 1793 г. имеет несколько аспектов, могущих нас заинтересовать. Социальная политика якобинцев, как показало июньское наступление «бешеных», не была и не могла быть адекватной устремлениям народных масс. Санкюлотское понимание свободы и равенства как, в первую очередь, социальных гарантий для неимущих и малоимущих находилось в явном противоречии с правительственным курсом, ориентированным в июне-августе 1793 г, несмотря на некоторые отдельные шаги (закон против скупщиков 26 июля, декрет от 9 августа о создании «складов изобилия» из закупаемого государством зерна и т.д.), на понимание демократии и равенства как политических, а не социальных категорий. Была сохранена свободная торговля, запрещения которой требовали секционные вожаки.

Отсюда – в полном соответствии с принципами «прямой демократии» – и стремление масс к самостоятельному решению задачи установления «истинного равенства». «Если... должностные лица, – писал Леклерк в конце августа, – хотели бы избавить их [спекулянтов, богачей и т.д. – А.Т.] от слишком заслуженной ими казни, то именно здесь... карающий топор народа должен заменить меч закона...».³⁶ 4 сентября секция Санкюлотов объявила себя «в состоянии восстания против богатых».

«Топор народа», таким образом, заменяет «меч закона» в случае, когда власть не желает пустить этот меч в ход против врагов народа. Однако в сентябре 1793 г. Робеспьер демонстрирует иной подход к проблеме народного насилия. 4 сентября он заявляет в Якобинском клубе: «Недоброжелатели, подлецы присоединяются к группам, стоящим у дверей булочных и возбуждают их вероломными разговорами... Эти злодеи хотели погубить Национальный Конвент, якобинцев, патриотов. Они старались отвратить от них народ, приписывая им все несчастья, жертвой которых они сами сделали его... Вот еще одно усилие наших врагов, и, быть может, оно будет последним».³⁷

Какой новый фактор, отсутствовавший годом ранее, способен оказать принципиальное воздействие на отношение Робеспьера к революционному насилию снизу?

Выше мы рассмотрели процесс постепенного отождествления общей воли, в представлении о ней Робеспьера, с частной волей самого Робеспьера. Дополнительным элементом в процессе эволюции идеи общей воли у Робеспьера является его причастность к власти как лидера монтаньяров, а затем – как члена Комитета общественного спасения. Интересы Робеспьера, уже отождествленные с общими интересами, естественно должны стать и интересами власти – ибо интересы республиканской власти не могут быть отличны от интересов народа-суверена. Следовательно, оппозиция власти есть одновременно и оппозиция суверенному народу. Естественно, что Робеспьер не может расценивать выдвигаемые «бешеными» идеи иначе, как посягательство врагов народа на занимающуюся делом общего блага власть. Он отказывает отдельным группам народа в праве представлять интересы суверена, будучи убежден, что интересы суверена воплощает наиболее адекватно он сам, Робеспьер. Проницательный Барер по прошествии многих десятилетий отметил: «На некоторое время он сам стал Республикой».³⁸

Руссо писал: «Важно, следовательно, дабы получить выражение именно общей воли, чтобы в Государстве не было ни одного частичного сообщества и чтобы каждый гражданин высказывал только свое собственное мнение».³⁹ «Всякая фракция по самой своей природе стремится к умалению общего интереса в пользу интереса частного»⁴⁰, – скажет сам Робеспьер 25 апреля 1792 г. Таково парадоксальное преломление руссоистского тезиса о фракциях и общей воле: как писал Фюре, «старая революционная дилемма «представления» народа-суверена обрела невиданное ранее (*inedite*) решение: в конечном итоге Революция воплотилась в самом Неподкупном».⁴¹

Тенденция отождествления у Робеспьера интереса народа-суверена со своим интересом очевидна и весьма устойчива. 17 сентября 1793 г. он произносит в Конвенте речь против Варле, потребовавшего отменить ранее принятый декрет об ограничении секционных собраний двумя днями в неделю: «Не народ диктовал ту петицию, которая только что была... представлена; он, напротив, был инициатором принятия того декрета, против которого сейчас здесь протестуют».⁴²

Защита власти, воплощающей общую волю, от покушения замаскированных врагов общего блага наглядно проявляется и в вопросе об отношении Робеспьера к требованию о введении в действие новой Конституции. Кампания против сохранения существующих органов власти была начата Леклерком и Эбером еще в самом начале августа. Конституция 1793 г., законодательно обеспечивающая в политической своей части прямую демократию в виде одобрения законов первичными собраниями избирателей, безусловно более устраивала санкюлотских вожakov (мы не говорим здесь об Эбере), нежели тенденция усиления власти комитетов Конвента, в оппозиции к которым они находятся. Робеспьер же, по указанным выше причинам, полагал, что в сложившейся ситуации единственный спасительный вариант – это «объединиться вокруг Горы»: «Объединимся же и образуем грозный кулак, о который до сих пор разбивались все усилия врагов общественного блага, – призывает он якобинцев 4 сентября. – Не надо упускать из виду, что они ничего другого не хотят, как ... заставить нас ненавидеть и не признавать установленных властей».⁴³

Систематизируя и обобщая вышесказанное, можно констатировать, что инициатива принятия террористических мер исходит не от Робеспьера, а со стороны организованного санкюлотского движения. Робеспьер участвует в кампании по реализации чрезвычайных мер, но делает это не на условиях, предлагаемых вожаками масс. Если они и близкие к ним политики (Эбер, Шометт, Колло д'Эрбуа) предусматривают чрезвычайные меры в рамках прямой демократии, то Робеспьер, исходя из убеждения, что его видение революционного процесса – единственно верное, центром политики чрезвычайных революционных мер полагает существующие органы власти и себя в них.

Теоретической базой народного понимания революционного насилия является, прежде всего, концепция неотчуждаемости суверенитета и прямой демократии. Народ, поднимая свой «карающий топор», убивая «плохих граждан», врагов народа и очищая органы власти от не желающих народу блага депутатов (как это было в ходе майско-июньских событий) находится в рамках революционной законности. То, что это именно специфическая форма законности, а не просто беспорядочная резня или бунт, подтверждается, например, историей сентябрьских убийств 1792 г., когда врывавшиеся в тюрьмы санкюлоты устраивали в тюрьме от дворца некое подобие суда с присяжными из числа самих «добрых граждан».⁴⁴

Естественно, досконально рассмотреть вопрос об отношении Робеспьера к проблеме осуществления чрезвычайных мер в ходе революции невозможно без анализа робеспьеровской концепции чрезвычайных революционных мер в целом. В данный период (август–сентябрь 1793 г.) подобной целостной концепции Робеспьер еще не выдвинул; свое понимание природы и целей создаваемой на протяжении нескольких месяцев террористической системы он наиболее полно сформулирует позже – в известных речах 5 нивоза (25 декабря 1793 г.) и 17 плювиоза (5 февраля 1794 г.) о принципах революционного правительства и политической морали. Однако уже на этом этапе можно составить определенное представление об общей тенденции развития взглядов Робеспьера на проблему применения революционных мер.

Выше мы уже неоднократно отмечали, что в качестве центра, инициирующего систему революционных мер, Робеспьер предполагает использовать существующие институты власти – отсюда и его частые призывы сплотиться вокруг Конвента и его исполнительных органов, и столь же частые филиппики против оппонентов власти.⁴⁵ Немногом ранее, в своих дневниковых записях он отмечает: «Нужна единая воля [подчеркнуто Робеспьером – А. Т.]».⁴⁶ Единая воля означает и единственный центр власти и, следовательно, моноцентристскую систему «революционного насилия». В противовес санкюлотскому террору «прямой демократии» Робеспьер в августе уделяет самое пристальное внимание вопросу об эффективности работы Революционного трибунала – государственного органа – одновременно препятствуя организации массового насилия снизу и вообще стремясь свести на нет саму инициативу масс в этой области. *Участие* народных масс в деле реализации революционных мер для Робеспьера естественно и необходимо, ибо народ – это и сам Робеспьер, адекватно отражающий, как мы показали выше, волю суверена, однако инициатива – по той же причине – должна исходить от одного центра – то есть от робеспьеристской власти: «Рука народа поднята – правосудие опустит ее на головы предателей...»⁴⁷ – заявляет он в Конvente. Насилие снизу заменяется революционным правосудием.

Этот феномен послужил основанием для следующей формулировки, данной Фюре и Рише: «Террор в рассуждениях правителей был прежде всего средством избежать возобновления сентябрьских избиений».⁴⁸ Однако вряд ли эта формула исчерпывает проблему мотивации робеспьеровской линии в процессе оформления террористической системы: этот мотив, бесспорно, присутствует, однако не он столь резко меняет тон выступлений Робеспьера, начиная с 11 августа. Скорее – и мы об этом говорили ранее – форсирование Робеспьером после 11 августа линии на более эффективное использование уже имеющихся в распоряжении республики средств связано с возрастанием общей угрозы ее существованию – то есть с внешними обстоятельствами. Усиление террористических устремлений масс, без сомнения, отразилось на позиции якобинского лидера, но, скорее, с обратным знаком: знающий истинную волю суверена Робеспьер видит опасность для Республики, исходящую от маскирующихся под друзей народа заговорщиков, пытающихся ослабить существующую власть: «Тот, кто пытается унижить, разделить и парализовать Конвент [вспомним Леклерка, призвавшего в конце августа к новому восстанию – А. Т.], есть враг Отечества», – заявляет Робеспьер в Конvente 25 сентября, и добавляет: «Он существует, этот проект унижения Конвента, он существует даже в тех местах, где должен существовать патриотизм – в клубах, претендующих на то, чтобы быть более чем патриотичными».⁴⁹

Таким образом, массовое насилие снизу является для Робеспьера одним из симптомов поразившего Республику кризиса и ведет к ответной активизации установления террористического режима сверху.

Последующие события развиваются именно в русле этой тенденции. 5 сентября, под сильнейшим давлением народа Конвент принимает решение «поставить Террор в порядок дня». 5–9 сентября Конвент декретирует ограничение секционных собраний двумя заседаниями в неделю. 10 октября по докладу Сен-Жюста Конвент принял решение об отсрочке введения в действие Конституции 1793 г. и декретировал, что «временное правительство Франции будет революционным до заключения мира».50 14 фримера II г. (4 декабря 1793 г.) монтаж системы чрезвычайных революционных мер «сверху» был завершен. Конвент провозглашался «единственным центральным органом правительственной власти».51

Была уничтожена и самостоятельность такого важного элемента организации революционного насилия «снизу», как революционные комитеты: над ними назначалась опека местной и центральной администрации, минуя коммуну и распущенные департаментские Генеральные советы. Были упразднены все созданные на местах Революционные армии, кроме столичной. Следствием принятия этого декрета все возможные центры власти, кроме правительственного, – как в столице, так и на местах – были или ликвидированы, или поставлены под строгий контроль властей. Организационно задача укрепления «единой воли» была выполнена.

Революционное насилие власти. Проблема утопии

Проанализировав теоретический базис подхода к феномену революционного насилия со стороны масс, представлявших линию на осуществление революционного насилия «снизу», мы в меньшей степени коснулись вопроса об отражении факта формирования террористического режима в мировоззрении Робеспьера.

Теперь необходимо остановиться на проблемах *цели*, достигаемой посредством применения системы насильственных мер, объекта, на которые должно быть направлено террористическое воздействие, и *критериев*, которыми следует руководствоваться в процессе функционирования всей системы.

Как мы уже отметили, целостная концепция «революционного порядка управления» была оглашена Робеспьером в двух его речах – «О принципах революционного правительства» (5 нивоза II г. – 25 декабря 1793 г.) и «О принципах политической морали» (17 плювиоза II г. – 5 февраля 1794 г.). К этому моменту террористическая система уже функционировала. 17 сентября принимается знаменитый закон о «подозрительных», на основании которого было вынесено большинство постановлений об аресте за весь период якобинской диктатуры. 14 октября начался процесс по делу **Марии-Антуанетты**, и через день она была казнена. 24 октября трибунал, под торжествующие комментарии Эбера и других деятелей левого крыла, приступил к рассмотрению обвинений против **Бриссо**, Верньо и других лидеров **Жиронды**. Следует отметить, что левые вели кампанию за привлечение к суду и уже заключенных 75 депутатов-жирондистов, подписавших в июне 1793 г. петицию против переворота 2 июня, однако петиционеры были спасены Робеспьером, который охарактеризовал их как обманутых честолюбцами и «заблудших» граждан.52

29 октября общественный обвинитель Революционного трибунала Фукье-Тенвиль обращается с письмом в Конвент и указывает, что обвиняемые, пользуясь предоставленными им законом правами, затягивают процесс. Робеспьер предлагает ограничить длительность процессов тремя днями, после чего обсуждение дела должно быть прекращено – это предложение принимается, и через день лидеры Жиронды вззошли на эшафот. Ноябрь ознаменовался казнями герцога Орлеанского, Байи, **Барнава**, **мадам Ролан**. Тогда же **Фабр д'Эглантин** обвиняет Проли, Перейра, Шабо, **Эро де Сешеля** и других в участии в «иностранном заговоре», положив тем самым начало длинной череде раскрытия контрреволюционных поползновений – мнимых и реально существовавших – в период якобинской диктатуры, о чем еще будет сказано в связи с вопросом о межфракционной борьбе зимы–весны 1794 г.

В конце ноября начинается наступление умеренных на левых, возглавляемое Дантоном и **Демуленом**. «Время пик кончилось»53, – заявляет Дантон 11 фримера (1 декабря). 27 фримера (17 декабря) Конвент декретирует арест близких к санкюлотскому движению Ронсена, Венсана и Майяра. Атака дантонистов продолжается вплоть до возвращения из Лиона Колло д'Эрбуа, приступившего к немедленной мобилизации левых сил. 6 нивоза (26 декабря) было прекращено дело против Ронсена и Венсана, а 21 нивоза (10 января 1794 г.) Робеспьер с трудом спасает Демулена от исключения из Якобинского клуба – маятник качнулся обратно.

Даже по этому чрезвычайно беглому обзору внутривнутриполитической ситуации конца 1793 – начала 1794 гг. можно заметить, насколько остро идет дискуссия вокруг террористических мер, ставших объектом политической борьбы. Именно в этот период Робеспьер формулирует основные тезисы своего понимания революционного правления. В речи, посвященной принципам, которыми должно руководствоваться революционное правительство, Робеспьер уделяет больше всего внимания двум аспектам концепции революционных мер: во-первых, они должны носить чрезвычайный характер; во-вторых, они должны соответствовать поставленной перед ними задаче и, следовательно, должны быть преходящими.

«Революционному правительству нужно употреблять чрезвычайную активность именно потому, что оно ведет войну. Оно подчиняется менее единообразным и менее строгим правилам, потому что оно действует в бурных обстоятельствах, оно в движении.., так как появляются новые опасности, борьба с которыми не терпит отлагательства».⁵⁴ Однако подобная изменчивость границ применения революционных мер отнюдь не означает волюнтаризма в осуществлении революционного правосудия: «у него [у революционного правительства – А.Т.] есть и свои правила, все они черпаются из справедливости и общественного порядка... Его должны направлять не страсти частных лиц, а общественный интерес».⁵⁵ Если мы вспомним, что к этому времени Робеспьер фактически отождествляет в своем сознании общественный интерес со своим частным интересом, то нам станет ясно, что в этом контексте для Робеспьера не существует каких-либо ограничений в отношении масштаба и характера революционных мер. Соответственно преломляется и проблема прав и свободы личности перед лицом оформленного в систему революционного насилия суверена. 24 октября Робеспьер замечает: «Несомненно, следует защищать индивидуальную свободу; но означает ли это, что следует под разными тонко сформулированными предлогами (*par des formes subtiles*) обречь на гибель общественную свободу?»⁵⁶

В коллизии общественной свободы и общественных интересов с личными приоритет естественно отдается правам суверена. Подчинение режиму революционного правительства таким образом, – высший акт свободы: «Революция – это война свободы против ее врагов».⁵⁷ И здесь мы подходим к центральному вопросу проблемы идейного обоснования режима революционного правительства: какая цель ставится Робеспьером перед механизмом революционного насилия?

Доклад 17 плювиоза (5 февраля 1794 г.) с принципах логической морали посвящен поиску ответа именно на этот вопрос. Собственно говоря, в самом общем виде ответ сформулирован и в речи о революционном правительстве: «цель конституционного правительства – сохранить республику; цель революционного правительства – создать ее»⁵⁸, – заявляет Робеспьер, определяя тем самым дальнейший ход своих рассуждений. «Душа республик – добродетель»⁵⁹, – писал он когда-то в № 1 «Писем к своим доверителям». «Мы хотим... все пороки и все нелепости монархии заменить всеми добродетелями и чудесами республики»⁶⁰, – говорит он Конвенту 17 плювиоза II г. Цель революционного правительства, следовательно, – морально-этическое преобразование общества.

Следует отметить, что понятия добродетели и справедливости носят для Робеспьера вполне конкретный характер, и выражается это в двух обстоятельствах. Борьба нравственного и безнравственного, хорошего и плохого начал в понимании Робеспьера – и это становится очевидным в контексте борьбы якобинцев и жирондистов осенью–зимой 1792 г. – есть двигатель развития человечества. Враги народа, узурпировавшие его неотъемлемые права, – безнравственны; сам же народ, как известно, нравственен от природы⁶¹: «Интриганы в своих напаках используют пороки старого режима, а патриоты – защищаются с помощью добродетелей нового режима»⁶². Террор призван установить новый добродетельный режим; добродетель, как и порок, – суть оружие в борьбе «добра» и «зла». И Робеспьер заключает: «Террор – это не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; он, следовательно, является эманацией добродетели; он – не столько частный принцип, сколько следствие общего принципа демократии, используемого при наиболее неотложных нуждах отечества».⁶³ Террор – инструмент установления нравственного порядка вещей и, следовательно, сам является одним из воплощений нравственности.

Вернемся, однако, к вопросу о конкретной наполненности робеспьеровского понимания добродетели. «Какова цель, к которой мы стремимся?» – спрашивает он в речи 17 плювиоза, и сам отвечает: «Это мирное пользование свободой и равенством».⁶⁴ Равенство в понимании Робеспьера не есть лишь политическая категория – достаточно вспомнить проект Декларации прав, представленный Робеспьером в апреле 1793 г, где формулировка собственности предполагает наличие определенных ограничений («гарантия закона»).

С момента прихода к власти – летом 1793 г. социальные мотивы действительно уходят на второй план – и этому есть достаточно логичное объяснение: конъюнктура момента требовала консолидации общества вокруг власти*, однако было бы неверным полагать, что мотив социальной справедливости полностью исчез. Робеспьер объективно является оппонентом исповедующих идеалы «прямой демократии» санкюлотов, его цель – недопущение никакой иной инициативы, но это не значит, что Робеспьеру чужды определенные аспекты массовых умонастроений, в том числе сочувствие добродетельным беднякам. «Те, кто совершают революцию наполовину, тем самым лишь роют себе могилу», – скажет в вантозе ближайший сподвижник Робеспьера Сен-Жюст в своем первом докладе по поводу принимаемых Конвентом декретов, получивших затем наименование «вантозских», – «бедняки составляют силу земли... Не допускайте, чтобы в государстве был хотя бы один несчастный или бедняк».⁶⁵

Однако если революция – это «война свободы против своих врагов», кто является объектом этой войны?

Еще 30 сентября 1792 г. Робеспьер пишет: «Существуют лишь две линии в республике: партии добрых и плохих граждан; иначе говоря, партия французского народа – и партия корыстных честолюбцев».⁶⁶ Категория «плохих граждан» может быть облечена в самые различные наименования – от «заговорщиков» до «порочных людей»; однако суть не меняется: мотив вселенского зла кочует из одной робеспьеровской статьи в другую, из выступления в выступление. Террор как средство очищения социального тела должен был обрушиться, очевидно, в первую очередь именно на эту безнадежно испорченную пороками былой системы часть общества.

Есть, однако, категория граждан, которая Робеспьером упоминается весьма часто и именуется «заблудшие», «обманутые» и т.д. Как правило, в эту категорию входят рядовые участники какого-либо «покушающегося на благо Республики» движения, что хорошо видно на примере жирондистов и «бешеных». Относясь к ним безусловно снисходительнее, нежели к «сознательным врагам народа», Робеспьер, тем не менее, не может не видеть в них людей, зараженных пороком. Возвышение этих заблудших граждан осуществляется также посредством «диктата свободы». «Революция, которая стремится установить добродетель, – скажет Робеспьер позже, 18 флореаля (7 мая), – это лишь переход от царства преступников к царству справедливости»⁶⁷, и совершать этот переход предстоит всем.

Следует отметить, что ранее Робеспьер уже представлял Конвенту проект, «целью которого являлось... воспитать людей, достойных Республики»⁶⁸. Это был проект системы национального воспитания, разработанный убитым в январе 1793 г. якобинцем Лепеллетье и оглашенный Робеспьером 13 июля 1793 г. «Приняв во внимание, – писал Лепеллетье, – в какой степени человеческий род испорчен пороками нашей старой общественной системы, я убедился в необходимости произвести полное возрождение и, если можно так выразиться, создать новый народ».⁶⁹ Лепеллетье воспитывает новое поколение; Робеспьер в условиях войны республики против тирании очищает недостойных граждан путем подчинения их террористическому режиму и поднятия их вследствие этого на уровень «моральной свободы» (Руссо). Террор в этих чрезвычайных условиях – а Робеспьер подчеркивает их временный характер⁷⁰ – есть средство воспитания, аналогичное системе Лепеллетье; это ключ к входу в общество всеобщего счастья, понимаемого как свобода и равенство.

Считал ли Робеспьер это утопией? Скорее всего, он осознавал масштаб и, возможно, непомерность поставленной задачи, но это не могло изменить его позиции: «Воображение обычно определяет границу возможного и невозможного; однако, если есть воля к благим делам (*volonte de bien faire*), следует осмелиться выйти за эти границы».⁷¹

Итак, Террор – это инструмент защиты и создания Республики в руках революционного правительства. Диапазон применения этого инструмента зависит, как известно, от соблюдения общественного интереса. Мы знаем, что монополия на знание истинного общественного интереса принадлежит Робеспьеру (естественно, по представлению самого же Робеспьера). Понятно, что робеспьеровское понимание общественного интереса распространяется и на власть, у руля которой стоит лидер Горы. Именно через власть возможно управление инструментом государственного террора и, следовательно, власть дает реальную возможность изменить общество к лучшему и вырвать людей, еще могущих стать достойными нового общества, из плена прежних пороков посредством «деспотизма свободы».

Нахождение власти в руках Робеспьера есть, следовательно, гарантия реализации общей воли, ибо иных интересов у Робеспьера, в его представлении, нет. Целью Робеспьера как адекватного выразителя общей воли является, таким образом, сохранение за собой власти. Легко заметить, что при построении этой цепи мы пользуемся лишь уже исследованной нами абстрактно-теоретической базой мировоззрения Робеспьера и не привносим в схему никакого частного интереса, кроме его интереса к власти. Этот интерес, однако, уже находится в рамках схемы как следствие представления Робеспьера об общей воле и, следовательно, не является уже частным интересом. Были ли у него вообще частные интересы, связанные с вопросом власти? Обнаружить таковые не легко; возможно, он был честолюбив, однако и это трудновыяснимо. Можно констатировать, во всяком случае, что во внутривластной борьбе за власть его личные (за некоторым исключением) интересы особой роли не играли: Робеспьер представлял власть и общую волю.

Одним из наиболее ярких примеров такой борьбы за власть явилась эпопея межфракционной борьбы трех политических течений в стенах Конвента и вне его – умеренных, эбертистов и робеспьеристов. Как известно, декабрьская атака «снисходительных», проходившая под знаком отказа от крайностей революции, не принесла им успеха. Теперь же, 12 вантоза (2 марта) Ронсен в клубе Кордельеров заявляет о необходимости «нового 31 мая». Примерно в те же дни Робеспьер пишет подготовительные заметки к речи против ранее арестованного Фабра д'Эглантина, где мы читаем: «Если партия [имеется в виду эбертисты – А.Т.] одержит верх, плодами ее победы будут замешательство и анархия, унижение национального представительства, преследование всех мужественных и разумных патриотов».⁷² Робеспьер не забыл события 31 мая – 2 июня (унижение Конвента), однако теперь он, в отличие от предыдущего восстания, стоял у власти.

14 вантоза (4 марта) Эбер, подстрекаемый вернувшимся из Нанта Каррье, вновь заявил о необходимости восстания. Не поддержанные народом эбертисты попытались сохранить *status quo*, однако повод был найден, и в ночь с 23 на 24 вантоза были арестованы Эбер и другие лидеры Кордельеров, а 28 вантоза – Шометт, который никакого отношения к аванюре Эбера не имел. В жерминале все они были казнены.

Угроза власти слева (хотя и довольно слабая) была ликвидирована. Однако это привело к усилению опасности справа: «снисходительные» считали казнь эбертистов лишь первым шагом на пути к стабилизации политической ситуации и, в конечном итоге, к завершению революционных потрясений. И Робеспьер начинает готовиться к репрессиям против правых. «Как мог человек, которому всякая моральная идея чужда, быть защитником свободы»⁷³, – пишет он в своих заметках против дантонистов. Отправной пункт доказательства состава преступления – не конкретное политическое действие, но сам тип мышления, не могущий, ввиду своей безнравственности, не быть контрреволюционным. Робеспьеру, несомненно, не без труда удалось решиться на арест и осуждение дантонистов, среди которых был и его старинный друг Демулен. «Мы... принесли столько трагических жертв, в числе которых надо с прискорбием считать наши суровые действия»⁷⁴, – с горечью

констатирует он в речи 11 жерминаля (31 марта). Однако, решившись, Робеспьер отбрасывает сомнения в правильности принятого им решения, как несущественные. 10 жерминаля (30 марта) Дантон заключен под стражу, а 13–16 жерминаля (2–5 апреля) состоялся процесс по его делу – так же, как и в случае с Эбером, построенный по принципу «амальгамы» – смешения подсудимых с различными составами преступления для придания основательности конечному приговору в адрес каждого из них. 16 жерминаля дантонисты восходят на эшафот.

Большой Террор

Разгром фракций оказал значительное влияние на дальнейший ход революционного процесса и, вследствие этого, сыграл весомую роль в формировании отношения Робеспьера к идее революционного насилия, а точнее – в формировании робеспьеристской политики применения революционного насилия в последние месяцы его жизни.

Удар по эбертистам, проведенный как репрессивная акция против возможного опасного соперника революционного правительства, уничтожил этот неконтролируемый властью очаг частной воли – в противовес общей воле, воплощенной в правительстве и Робеспьере. Следствием этого явилось резкое ослабление влияния Парижской Коммуны и ее секций. В апреле и июне 1794 г. было распущено 36 парижских народных обществ. Был закрыт клуб Кордельеров. 28 вантоза (18 марта) Конвент принимает декрет о чистке всех парижских властей. Национальным агентом Парижской коммуны назначается робеспьерист Пейан, а позже – в мае – меняется и мэр Парижа: место Паша занимает Флерио-Леско, также преданный Робеспьеру. Репрессии по отношению к секционным активистам продолжаются вплоть до 9 Термидора.

Иная ситуация складывается в отношении Робеспьера со своими оппонентами справа. Совершенно говоря, формально никакой организованной оппозиции справа правительственному курсу быть уже не могло: группировка «снисходительных» была уничтожена тотчас же вслед за эбертистами. Однако, если за ликвидацией эбертистов последовали репрессии против организованной массовой базы левых сил – Коммуны и секций, то в отношении правых ничего подобного предпринято не было по той причине, что не было конкретного объекта для удара: дантонисты – и это Робеспьер знал – имели молчаливую поддержку в Конвенте. Влияние «снисходительных» чувствовалось даже в самом Комитете общественного спасения, где Камбон, Робер Ленде и Карно не скрывали своих воззрений «Мое дело кормить людей, а не убивать их», – скажет Ленде при обсуждении вопроса об аресте Дантона, и откажется подписать соответствующий декрет; «вы – смешные диктаторы», – бросит Карно Сен-Жюсту и Робеспьеру вскоре после казни «снисходительных». Тем не менее, никакой организованной базы дантонисты, в отличие от эбертистов, не имели. Кроме того, в руках правых оставались такие рычаги, как влияние в органах государственного управления и финансовая власть, что открывало широкие возможности для саботажа мер, предпринимаемых Робеспьером против правой оппозиции. Пока была свободна инициатива масс, скрытое (или явное, как в случае с дантонистами) давление правых уравновешивалось постоянно нависающей над властью угрозой «прямого волеизъявления народа» в лице парижской улицы. Теперь же инициатива масс была задушена вместе с разгромом группировки Эбера, и правые, потерявшие свой авангард – дантонистов, но не затронутые в основной массе, усилили воздействие на осуществляемую правительством политическую линию.

Другим осложняющим положение робеспьеристского правительства обстоятельством стал конфликт с так называемыми «ультраревольюционерами» – Каррье, Фуше и рядом других, ознаменовавшими свою деятельность в качестве комиссаров Конвента массовыми репрессиями. Отозванные вследствие многочисленных жалоб на их действия из миссий, они стали ядром новой группировки, объединившей уцелевших эбертистов и дехристианизаторов, подвергнутых Робеспьером еще зимой 1793–1794 гг. жесточайшей критике. Объективно к этой же группе были близки и такие деятели, как Тальен, Баррас, Фрерон, запятнавшие себя в период своих миссий коррупцией, так же как Фуше, Каррье, Колло д'Эрбуа – жестокостями. Для Робеспьера, выступившего 26 жерминаля (15 апреля) со специальной речью о моральной и политической чистоте членов Конвента, подобное поведение людей, призванных осуществлять «террор – эманацию добродетели», являлось не только неприемлемым, но и преступным.

Робеспьер оказывается в затруднении: фракции разгромлены, общественное благо, казалось бы, упрочено, в то же время ситуация явно напряжена – максимум саботируется, рабочие требуют прибавки заработной платы, и даже в стенах Конвента и Комитетов ощущается недовольство проводимым курсом. «Революция заледенела», – скажет Сен-Жюст.

Висящее в воздухе напряжение в представлении Робеспьера приобретает традиционную форму заговора. «В течение двух месяцев, – обращается он к Конвенту в день принятия декрета 22 прериала (10 июня), – Революционный трибунал заявляет вам о помехах, которые останавливают движение национального правосудия. Вся республика заявляет вам о новых заговорах...».⁷⁵ Как отмечал М.Вовель, идея заговора была одним из наиболее характерных элементов кризисного сознания интересующей нас эпохи⁷⁶, и Робеспьер, естественно, не был исключением из правила. Скорее наоборот – Робеспьер, склонный к мышлению абстрактными идеями, являющимися лишь далекими отражениями реальных феноменов и существующими в рамках его идеальной системы, был готов более, чем кто-либо иной, к восприятию мифологии заговора.

Заговор есть – это очевидно для Робеспьера, – но его как бы и нет, поскольку нет видимых его источников. Заговор вездесущ, он пропитывает всю Республику – поэтому и ощущается такая напряженность в общественном теле. Заговор, следовательно, тотален – и в этом виде он прекрасно укладывается в приготовленное специально для него гнездо идеальной модели. «Порок и добродетель составляют судьбу земли; это два противоположных духа, оспаривающих ее друг у друга»⁷⁷, – скажет Робеспьер 17 флореаля (7 мая) в речи об отношении религиозных и моральных идей к республиканским принципам. Заговор – это война, которую ведет порок против республиканской добродетели, и из этого вытекает и выбор оружия для его поражения. И в очередной раз этим оружием стала эманация добродетели – Террор.

22 прериала (10 июня) Кутон огласил доклад о необходимости реорганизации Революционного трибунала. Как отметила Ф.Брюнель, в докладе Кутона «моральные аргументы были столь же весомы, как и аргументы материальные».⁷⁸ Сама история принятия прериальского декрета свидетельствует, что речь шла не о рядовом изменении формы организации работы Революционного трибунала, а о кардинальном моменте в развитии террористической системы, причем участники драмы осознавали это.

Барер и Лекуантр потребовали отсрочки введения декрета в действие, а Рюан заявил, что в случае его немедленного принятия он покончит с собой. Робеспьер дважды выступает в защиту готового проекта и добивается его принятия. На следующий день, в отсутствие Робеспьера, Кутона и других членов Комитета общественного спасения Бурдон (из Уазы) настаивает на принятии дополнительной статьи, подтверждающей исключительное право Конвента предавать своих членов суду Революционного трибунала – право, гарантированное декретом от 16 жерминаля (5 апреля) и поставленное под сомнение декретом, принятым накануне. Конвент соглашается с Бурдоном и декретирует, что депутаты Конвента могут быть преданы суду Революционного трибунала только по соглашению Конвента. Однако 24 прериала (12 июня) Робеспьер и Кутон являются в Конвент и добиваются отмены принятой накануне дополнительной статьи к закону 22 прериала. Устрашенный обвинением в потворстве контрреволюции Конвент покорно отменяет статью, за которую вчера проголосовал, и декрет окончательно утверждается в предложенной Кутонем изначальной редакции.

В чем же суть прериальского декрета и что заставило многократно третируемый и «очищаемый» Конвент оказать сопротивление его принятию?

Формально декрет был посвящен очередной реорганизации Революционного трибунала, то есть вопросу организационного и процессуального характера. Однако примечательна формулировка цели, заявленной Кутонем в своем докладе и долженствующей определять систему деятельности трибунала. «Речь идет о том, чтобы... выработать такие основы для этого учреждения, которые гарантировали бы освобождение оклеветанных патриотов и ускорили бы вместе с тем произнесение приговоров над заговорщиками».⁷⁹ Иными словами, цель осуществления правосудия облечена в форму некоего двустороннего императива (гарантировать свободу невиновным, наказание – виновным), который, сам по себе являясь совершенно справедливым, и составляя идеальную цель любой системы правосудия, есть все же именно идеальная цель; в данном же случае эта идеальная цель изымается из категории идей и отвлеченных принципов и спускается на уровень практического руководства.

То, что вышеизложенное соображение не является натяжкой и словесной эквилибристикой, подтверждают строки самого декрета: «...16. В качестве защитников для оклеветанных патриотов закон дает присяжных патриотов; заговорщикам же закон не дает никаких защитников».⁸⁰ «Оклеветанные патриоты» и «заговорщики» – вот две категории лиц, подлежащих суду революционного трибунала и в обычной системе права именуемых просто «обвиняемыми». Однако, если эти категории несут в себе оценочную нагрузку уже изначально, то, следовательно, и суд вершится не столько в стенах Революционного трибунала, сколько где-то в ином месте. Где?

13 мессидора (1 июля) Робеспьер произносит в Якобинском клубе речь о тайных происках против революционного правительства, где, в частности, говорит: «Оружие свободы и тирании столь же различно, как противоположны друг другу свобода и тирания. Против злодейства тиранов и их друзей у нас не остается другого средства, кроме правды и Трибунала общественного мщения...»⁸¹ Трибунал общественного мщения – вот истинный суд, которому должны подлежать порочные враги добродетели. И прериальский декрет реорганизирует реально существующий Революционный трибунал, основываясь именно на этом тезисе. Реорганизованный трибунал призван стать именно трибуналом, где нравственность судит порок.

Следствием этого являются требования, предъявляемые законом к доказательствам, необходимым для вынесения приговоров, и к присяжным, которые должны эти приговоры выносить. «...8. Доказательством, необходимым для вынесения приговоров над врагами народа, является всякая вещественная или моральная [выделено мной – А.Т.] улика, ...которая может служить достаточным основанием для всякого справедливого и разумного гражданина; единственным руководством для вынесения приговоров должна быть совесть присяжных, проникнутых любовью к родине; их целью является торжество Республики и гибель ее врагов; формами судопроизводства являются те простые способы, которые подсказываются присяжным их здравым смыслом...»⁸²

Добродетель очевидна и определяется простым здравым смыслом. Здравый смысл и совесть – вот главные инструменты осуществления правосудия. Не случайно Робеспьер с уверенностью говорит 13 мессидора: «Моя защита – в моей совести».⁸³ От признания осенью 1792 г. примата меры высшей нравственности, выражаемой волей народа, над правовыми нормами – до признания необходимости руководствоваться в отправлении правосудия здравым смыслом и совестью (хотя и в качестве чрезвычайной меры – на время войны добродетели против порока) – таков путь Робеспьера. Прериальский закон предполагает применение исключительно этических критериев в качестве норм правосудия, Робеспьер это осознает. 21 мессидора (5 июля) он выступает у Якобинцев по поводу «преследования патриотов», и характеризует прериальский декрет как декрет, который ставит в порядок дня добродетель.⁸⁴ Следует заметить, что подобное понимание декрета характерно не только для Робеспьера. Ф. Брюнель обращает внимание на петицию народного общества Модем (*Molesmes*) из департамента Кот д'Ор, датированную 4 мессидора (20 июня). Петиционеры обращаются к законодателям с благодарностью за то, что они «поставили добродетель в порядок дня».⁸⁵

Помимо совершенно особенного подхода к вопросу о критериях правосудия, декрет 22 прериалья знаменателен еще в связи с двумя обстоятельствами. Ст. 7 декрета гласит: «Наказанием за все преступления, подлежащие ведению Революционного трибунала, является смерть».⁸⁶ Мы уже имели возможность убедиться в таком качестве робеспьеровского мышления, как полярность восприятия. Мифологизированное сознание не признает полутонов. Антиномии типа «аристократы–народ», «республика–ее враги», «те, кто объединен вокруг Горы – и покушающиеся на ее власть» сопровождают Робеспьера всю жизнь. «Совершенно естественно одно: кто не питает ненависть к преступлению, тот не может любить добродетель. Между тем необходимо, чтобы тот или иной погиб»⁸⁷, – заявляет Робеспьер в речи о принципах политической морали. Есть, однако, категория «заблудших», «обманутых» граждан. Укладывается ли эта категория в «манихейскую идеологию» (*ideologie manicheenne*)⁸⁸, по выражению Фюре, робеспьеристов?

Террор есть средство очищения общества, его «пересоздания», и именно «заблудшие» проходят «очищение» террором в смысле, наиболее близком к первоначальному религиозному смыслу этого понятия. Террор ставит каждого перед выбором и позволяет определиться: либо человек подчиняется своей собственной воле в виде революционного насилия, и выходит на новый уровень своей свободы – либо он коснеет в пороке и эгоизме, и, следовательно, недостоин жизни в новом, нравственном обществе. «Есть чувство, – говорит Робеспьер в речи 21 мессидора, – запечатленное в сердце каждого патриота, и являющееся пробным камнем, чтобы распознать его друзей. Если человек умолкает в тот момент, когда надо говорить – он становится подозрительным; если он скрывается в тени... ограничивается пустыми тирадами против тиранов, не занимается общественной нравственностью и счастьем всех своих сограждан – он подозрителен».⁸⁹

Последняя приведенная нами цитата Робеспьера высвечивает еще один аспект подхода к проблеме революционного насилия «сверху» – это вопрос критериев обвинения. «Революционный трибунал учреждается для наказания врагов народа»⁹⁰, – гласит ст.4 прериальского декрета. Кто подпадает под эту категорию или, точнее, какие внешние проявления человеческого существования дают основания для квалификации этого лица как врага народа – то есть, безнравственного индивидуума?

Перечень видов состава преступления в прериальском декрете определен ст.6. Помимо достаточно ясных случаев (роялисты, изменники-военнослужащие, укрыватели заговорщиков и т.д.), значительное место в этом перечне отведено более любопытным и менее конкретным признакам состава преступления. Врагами народа являются те, кто преследует и клеветает на патриотов; и те, кто «извращает революционные принципы, законы и мероприятия правительства путем лживых и вероломных поступков».⁹¹ К этой же категории относятся и те, кто «распространяет ложные известия с целью вызвать в народе смуту и вражду; те, кто пытается ввести народ в заблуждение и мешает его просвещению; кто портит нравы и развращает общественное сознание, кто охлаждает энергию и чистоту революционных и республиканских принципов или замедляет их развитие своими контрреволюционными или непростойными статьями или какими-либо другими ухищрениями».⁹²

Аналогичный подход к вопросу об определении преступников был продемонстрирован задолго до появления прериальского декрета. В октябре 1793 г. Парижская коммуна принимает постановление, содержащее подробную квалификацию лиц, не имеющих права на получение свидетельства о благонадежности – то есть, подозрительных. Среди длинного списка характеристик есть и такие:

«2. Те, кто, будучи более осторожными, таинственно говорят о несчастьях республики, жалеют народ и всегда готовы с мнимо-печальным видом распространять плохие известия;

3. Те, кто меняет свое поведение и язык соответственно ходу событий...

6. Те, кто не принимали активного участия в событиях революции и для своего оправдания хвастаются аккуратной уплатой налогов, сделанными ими патриотическими жертвованиями...

8. Те, кто, ничего не сделав против свободы, равным образом ничего не сделали и в ее пользу...»⁹³

В этих документах очевидно прослеживается одна и та же тенденция, основные черты которой можно сформулировать следующим образом:

В качестве критериев определения состава преступления используется не юридическая, а морально-политическая оценочная шкала.

Характер черт, присущих, предположительно, «врагу народа» или «подозрительному», чрезвычайно расплывчат и, следовательно, характер мер революционной законности, предпринимаемых против этих лиц, фактически предопределен.

Расплывчатость и обширность перечня (а мы привели далеко не все пункты из обоих документов) объективно ведет к тому, что быть обвиненным на основе данных признаков может абсолютное большинство граждан Республики.

Что же лежит в основе подобной квалификации? Прежде всего, вероятно – общая смена критериев и норм в ходе революции. В случае Робеспьера мы сталкиваемся с явным переломом в его сознании летом–осенью 1792 г. Этические критерии, основанные на тезисе о безусловной добродетельности народа–суверена, вытесняют критерии формально-юридического характера. С усилением в идеологической мотивации действий Робеспьера тенденции восприятия общественных процессов в рамках борьбы «доброе (нравственное)» и «злого (порочного)» начал естественно получит большее обоснование и такая неюридическая трактовка понятия «враг народа».

На фоне быстрой смены политических декораций в первые революционные годы происходит постепенный отказ Робеспьера – и не только его – от опоры на нормы формального права, заменяемые этическими критериями. С лета–осени 1793 г. они дополняются осмысленным через идею общей воли тезисом о примате интересов народа, то есть, фактически, власти самого Робеспьера. И это в итоге оказывается решающим фактором.

Период открытой борьбы сменяется периодом скрытых конфликтов (как, например, конфликт двух правительственных Комитетов по вопросу о юрисдикции полиции), саботажа, глухого недовольства политикой правительства. Все это способствует оформлению имеющей давние традиции идеи тотального заговора: враги народа замаскированы, но следы их деятельности – налицо. Порок скрывается порой в самых, на первый взгляд, невинных формах, и ответ добродетельной общей воли должен быть адекватен и предусмотреть как можно большее количество применяемых врагами Республики уловок. Отсюда – чрезвычайная расплывчатость критериев и масштабность накинута на общество сетки тотального подозрения⁹⁴, отсюда же – и изначально заложенная в эти критерии субъективность их оценки.

Непосредственный контроль над деятельностью Революционного трибунала осуществлял Комитет общей безопасности. За шесть недель, прошедших с момента принятия закона до 9 Термидора число гильотинированных по приказу Революционного трибунала достигло 1376 человек (данные Д.Грира) против 1251 человека за 14 с лишним месяцев вплоть до 22 прериала. Абсолютное большинство казненных составляли заключенные парижских тюрем и, следовательно, ни о каком активном преследовании участников тотального заговора не могло быть и речи – тем более, что он, скорее всего, не существовал. Казни же продолжались, приговоренные массами свозились к гильотине.

Для более ясного понимания природы происшедших летом 1794 г событий следует учесть следующее. Через пять дней после принятия прериальского закона Комитет общей безопасности оглашает в Конвенте т.н. «дело Катрин Тео», представлявшей себя Богоматерью, а Робеспьера – сыном Верховного Существа. Атеист и дехристианизатор Вадье – докладчик Комитета общей безопасности – не называя Робеспьера по имени, дал понять залу, о ком идет речь. Это, бесспорно, была попытка компрометации Робеспьера. Через некоторое время после этого Робеспьер перестает ходить на заседания Комитета общественного спасения и фактически отстраняется от участия в управлении страной.

В Комитете общественного спасения остаются два робеспьериста: Кутон и Сен-Жюст. Из этих двоих Кутон – инвалид, Сен-Жюст же возвращается в Париж из армии только в день победы при Флерюсе (8 мессидора – 24 июня), то есть уже в разгар Большого Террора. В Комитете общественного спасения остаются в подавляющем большинстве правые – Карно, Ленде, Камбон, и левые – Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа, давно конфликтовавшие с Робеспьером из-за недостаточной радикальности его курса. Комитет общей безопасности, который, как мы сказали, непосредственно контролировал Революционный трибунал, находился под преимущественным влиянием левых якобинцев.

Существовало два момента, предопределявших то недовольство, которое питал этот последний Комитет по отношению к Робеспьеру – и которое проявилось, в частности, в «деле Тео». Первое – это дехристианизаторское прошлое некоторых членов Комитета, и второе – уже упоминавшийся конфликт двух Комитетов, возникший после создания, не без инициативы Робеспьера, т.н. Бюро общей полиции в рамках Комитета общественного спасения, что затронуло преимущественные права другого Комитета в сфере полиции и сыска.

Мы видим, таким образом, что в период действия прериальского декрета его острие направлялось в первую очередь теми, кто по тем или иным причинам были политическими оппонентами Робеспьера. Можно предположить также, что Робеспьер представлял цель принятия прериальского закона иной, нежели показала практика его применения. Во всяком случае, в те редкие моменты, когда он нарушает свое добровольное уединение, он подвергает критике направление, принятое Террором. «То, что мы видим каждый день, то, что нельзя скрыть от себя – это желание унижить и уничтожить Конвент системой Террора, – говорит он 21 мессидора (5 июля) в клубе Якобинцев, – существуют объединения, имеющие целью распространить эти пагубные идеи, стремятся убедить каждого члена их в том, что Комитет общественного спасения уничтожит его».⁹⁵

Ход мыслей, если мы вспомним историю термидорианского переворота, совершенно верный. Следует отметить, что Робеспьер критикует именно *направление* нынешнего Трора, но никак не ставит под сомнение целесообразность самой этой меры. 8 Термидора, в своей последней речи перед Конвентом, он скажет: «Гарантия патриотизма ... не в медлительности, не в слабости национального правосудия..., но ... в открытом покровительстве патриотам и в энергии, с которой правительство подавляет аристократию».⁹⁶ Через несколько часов он сам станет закономерной и парадоксальной жертвой запущенного при его непосредственном участии механизма. Закономерной – ибо кто как не сам Робеспьер возвел систему правосудия на этическом фундаменте, включив тем самым всех представителей рода человеческого в категорию потенциальных обвиняемых. Парадоксальной – ибо меч, поразивший Робеспьера, отнюдь не будет оружием добродетели; не будет он и топором народа – верховного суверена, которому поклонялся Робеспьер и с интересом которого отождествил свой политический интерес.

Добродетель будет снята с повестки дня вместе с террором, логика же, успешно увязывающая воедино оба эти феномена, еще не раз станет оружием в руках тех, кто вознамерится стать очередным единственным выразителем воли верховного народа–суверена.

Примечания

1. Из последних публикаций на эти темы см., например: *Бовыкин Д.Ю.* Революционный террор во Франции XVIII века: новейшие интерпретации // Вопросы истории. 2002. № 6. С.144–149; *Генифе П.* Политика революционного террора. 1789–1794. М., 2003; *Он же.* Французская революция и Террор // Французский ежегодник. 2000. М., 2000. С.68–87; *Чудинов А.В.* Суровое «счастье Спарты» (современники Французской революции о феномене Трора) // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. С.173–187.
  2. *Robespierre M.* Œuvres complètes. P., 1916. Vol.3. P.151.
  3. Ibid. Vol.5. P.16.
  4. *Робеспьер М.* Избранные произведения. М., 1965. Т.3. С.26. В тех случаях, когда это возможно, ссылки для удобства читателей даются на русское издание Робеспьера; в остальных случаях – на французское.
  5. *Guilhaumou J.* La Terreur a l'ordre du jour (Juillet 1793 – mars 1794) // Dictionnaire des usages socio-politiques (1770–1815). P., 1987. Fasc.2. P.132.
  6. *Furet F.* Terreur // Dictionnaire critique de la Revolution francaise. P., 1988. P.159.
  7. *Манфред А.З.* Три портрета эпохи Великой Французской революции. М., 1989. С.329.
  8. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.2. С.325.
  9. Там же. Т.3. С.14.
  10. *Furet F.* La Revolution de Turgot a Jules Ferry (1770–1880). P., 1989. P.122.
  11. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.3. P.97.
  12. Ibid. Vol.3. P.118.
  13. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С.331.
  14. Там же.
  15. Там же. С.180.
  16. *Robespierre M.* Op.cit. P., 1953. Vol.8.
  17. Ibid. Vol.3. P.87–88.
  18. *Barere B.* Memoires. P., 1842. Vol.1. P.107.
  19. *Furet F.* La Revolution. P.151.
  20. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.5. P.353.
  21. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.2. С.353.
  22. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.3. С.8.
  23. *Furet F.* La Revolution. P. 143.
  24. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.2. С.352.
  25. См., например: Там же. Т.3. С.9, 11.
  26. Там же. Т.3. С.29.
  27. Там же. Т.3. С.32.
  28. *Robespierre M.* Op.cit. P., 1967. Vol.10. P.46.
  29. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.3. С.43.
  30. Там же. Т.3. С.44.
  31. *Robespierre M.* Op. Cit. Vol.10. P.62.
  32. Ibid. Vol.10. P.66.
  33. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.3. С.44.
- * Такие цифры в самом деле фигурируют в публицистике того времени, однако современные исследования показывают, что общее число мятежных департаментов сильно преувеличено. См. например: *Гордон А.В.* Федералистский мятеж. Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г. - *El*.
34. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.61.

35. *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С.94.
36. Цит. по: *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. Л., 1989. С.325.
37. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.94.
38. *Barere B.* Op.cit. Vol.2. P.208.
39. *Руссо Ж.-Ж.* Ук.соч. С.171.
40. *Robespierre M.* Textes choisis. P., 1956. Vol.1. P.175–176.
41. *Furet F.* La Revolution. P.150.
42. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.110.
43. [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.48.](#)
44. *Dorigny M.* Massacres de septembre // *Soboul A.* Dictionnaire historique de la Revolution francaise. P., 1989. P.725.
45. См., например: *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.97, 116; Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.48.
46. Цит. по: *Ревуненков В.Г.* Ук.соч. С.323.
47. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.97.
48. *Furet F., Richet D.* La Revolution francaise. P., 1973. P.233.
49. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.116–117.
50. Цит. по: Документы истории Великой Французской революции. М., 1990. Т.1. С.238.
51. Там же. С.240.
52. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.135.
53. Цит. по: *Собуль А.* Ук.соч. С.185.
54. [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.91.](#)
55. Там же. [С.92.](#)
56. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.156–157.
57. [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.91.](#)
58. Там же. [С.91.](#)
59. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.5. P.17.
60. [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.107.](#)
61. К. Гаспар отмечала: «Использование в политическом обиходе терминов «добродетель» и противоположных ему (порок, аморальность, развращенность) соответствует робеспьеровской антитезе «хороших» и «плохих» граждан». *Gaspard C.* Vertu: le sens robespierriste du terme // Dictionnaire des usages socio-politiques. P.203.
62. [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.119.](#)
63. Там же. [С.112.](#)
64. Там же. [С.107.](#)
- * См. об этом более подробно: [Гордон А.В.](#) Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г. - *El.*
65. *Saint-Just L.-A.* Discours et Rapports. P., 1957. P. 145. - *Сен-Жюст использует здесь слово «les malheureux», и мне представляется более адекватным перевести его как «обездоленные» - оно одновременно указывает на бедность и воспроизводит этимологию французского слова... - Eleonore.*
66. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.5. P.18.
67. [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.165.](#)
68. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.70.
69. Цит. по: Документы истории Великой Французской революции. Т.1. С.455.
70. См. речь 5 нивоза II г: «Конституционный корабль был построен совсем не для того, чтобы оставаться постоянно в верфи; но следует ли бросить его в море во время бури и навстречу противному ветру?». [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.92.](#)
71. *Robespierre M.* Op.cit. Vol.10. P.70.
72. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.3. С.123.
73. Там же. С.146.
74. Там же. [С.153.](#)
75. [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.189.](#)
76. *Vovelle M.* Mentalite revolutionnaire: Societe et mentalites sous la revolution francaise. P., 1985. P.63.
77. [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.164.](#)
78. *Brunel F.* Termidor: la chute de Robespierre. P., 1989. P.67.
79. Документы истории Великой Французской революции. Т.1. С.273–274.
80. Там же. С.277.
81. [Робеспьер М. Ук.соч. Т.3. С.195.](#) - В тексте, на который ссылается автор статьи, говорится о «трибунале общественного мНения», а не мЩения - что полностью соответствует французскому оригиналу «le tribunal de l'opinion publique» (*Oeuvres completes, t. X, p.512*) - *Eleonore.*
82. Документы истории Великой Французской революции. Т.1. С.276.

85. *Brunel F.* Op.cit. P.41.
86. Документы истории Великой Французской революции. Т.1. С.276.
87. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.3. С.113.
88. *Furet F.* Penser la Revolution francaise. P., 1978. P.202.
89. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.3. С.202-203.
90. Документы истории Великой французской революции. Т.1. С.205.
91. Там же. С.276.
92. Там же. С.276.
93. Там же. С.266–267.
94. Бачко указывает, что «понятие “подозрительного” является краеугольным камнем Террора как системы»: *Vaczko B.* Comment sortir de la Terreur. Thermidor et la Revolution. P., 1989. P. 80.
95. *Робеспьер М.* Ук.соч. Т.3. С.202.
96. Там же. С.223–224.